

РАЗВОРОТ

— У вас там были друзья?

— Да, конечно! Там были замечательные люди. Зорян Попадюк, украинский диссидент, он почти всю жизнь просидел, с молодых лет, до «Перми-36» сидел во владимирской тюрьме вместе с Буковским — исключительно светлый, исключительно разумный, светлый человек. Был Лев Тимофеев, известный писатель. Были, конечно, и случайные люди — молодые ребята какие-то глупые. Был даже один уголовник: он то ли в карты проигрался, то ли ещё что-то, и ему надо было «выломиться» — было такое специальное выражение — в политическую зону. На обычной зоне его бы растерзали, и он давай кричать: «Долой советскую власть!» Всё, чтобы спасти...

— Сейчас много полемики вокруг «Перми-36»...

— Да...

— Бывшие охранники говорят, что в зоне не было ничего страшного, был практически курорт, сплошные прогулки и чтение художественной литературы...

— В смысле физических условий не было ничего особо страшного, хотя было и холодно, в морозы в бараке было шесть градусов, была скучная пища — однообразная: каша, каша, суп, но с голоду никто не умирал. В общем, это не было нацелено на физическое уничтожение, по крайней мере здоровых людей.

Давление выражалось в лишении даже тех минимальных благ, скопее даже прав, чем благ, — переписки, ларька этого ничтожного, пяти рублей в месяц, в котором можно было купить 25 граммов чая и пачку повидла. Переписка, конечно, была чувствительным лишением, а потом начиналось ШИЗО, то есть штрафной изолятор, потом ПКП, то есть тюрьма внутри зоны, а потом уже перевод во владимирскую тюрьму.

— За что это всё делалось?

— За сопротивление. Про идеологию они, по-моему, давно сами забыли. Им требовалось добиться подчинения, выколотить раскаяние. Это не получилось у следствия, и тогда в зоне продолжалась работа.

— Ну, например, за что заключённого могли лишить права переписки?

— Если КГБ решало, что его надо пресекать, то всегда находился повод: койка не застелена, пуговица расстегнута... Это всё страшно скучно и однообразно. Прицепиться всегда к чему-то можно.

У меня была очень смешная история. Я, занимаясь йогой, стоял каждый день на голове. Сначала они меня как на дурачка смотрели, а потом поняли, что раз я каждый день стою на голове, то можно это запретить и каждый день наказывать! А как запретить? Вроде бы ни в одном уставе это не написано! Но есть такое правило, что при входе офицера, даже прапорщика в барак надо вставать. И вот они начали входить как раз тогда, когда я упражнялся, и наказывать меня за то, что я при входе начальства не встаю! А я им возражаю: как я могу встать, если я уже стою? Где написано, что стоять надо непременно на ногах, а не на голове? Покажите! Ориентация по вертикали не обозначена! Но с ними препираться бесполезно. Я просто старался как-то не мозолить им глаза своей йогой.

— Как ваша прекрасная интеллигентная семья пережила ваш арест?

— Ну, тяжело, конечно. Но мои родители пережили времена террора — настящего, сталинского, так что закалка была. К счастью, я успел вернуться из лагеря ещё при жизни родителей.

— Как сложилась ваша жизнь после лагеря?

— Я вернулся к тем занятиям, которыми занимался, — переводам, преподаванию, занятиям искусством в разных формах. Потом меня пригласили во Францию преподавать, и я там как-то застрял на 30 лет, хотя не собирался эмигрировать — и не эмигрировал, я там просто работал. Сейчас вышел на пенсию, вернулся в Россию. Живу на своей даче в Комарово.

— Вы следите за событиями с музеем «Пермь-36»?

— То, что там происходит, — это очень печально и неразумно. Замечательные создатели музея, которые, несмотря на здоровье Виктора Александровича Шмырова, проявили огромный энтузиазм и организационные способности...

Вы, кстати, знаете, что в зоне «Пермь-35» тоже есть музей? Такой маленький музейчик, камерный — его сделал один энтузиаст-охранник!

— Как интересно!

— Да, это дальняя зона, она, по-моему, до сих пор действует. Я там тоже немножко побывал. Это любопытная история...

В «Перми-36» у меня начался аппендицит, меня в зоне держали до перитонита и в Чусовой привезли уже в последний момент. Меня спасли замечательные тамошние хирурги.

Врач в зоне был только время от времени — молодой садист, стоматолог по специальности, но зубы он не лечил, говорил: «У меня нет мануальных навыков», а от всего прочего не лечил, потому что он — зубной врач. Фельдшерица была чуть получше, но что с неё возмёшь...

Работа у меня была тяжёлая, в кочегарке. Я как-то плохо себя почувствовал, меня положили в амбулаторию, мне всё хуже, хуже, температура уже зашкаливает... Тогда они меня повезли в Чусовой, потому что они очень не любили, чтобы в зоне подыхали. Со мной поехала целая команда, чтобы я в этом состоянии не сбежал, — офицер и два прапорщика. В Чусовом меня моментально подготовили к операции и повезли в операционную на каталке. Конвой — за мной марширует. Врачи уже стерильные стоят, закатанные. Как увидели, что прётся эта банда, они их дико обматерили и выгнали. Это был момент моего наивысшего торжества за всё время заключения!

Резали они меня, резали, сделали специальный разрез, через который потом ещё неделю вливали антибиотики, у меня вообще всё движение кишечника остановилось. Я спросил у врача, выживу ли. Он честно сказал: «Фифтифифти, 50 на 50».

Держали меня в общей палате. Я смог нацарапать письмо и отдать соседу, который выходил на следующий день. Он это письмо отправил, потому что через несколько дней случился дикий скандал: мама, которая сама врач, звонит главврачу больницы, чтобы узнать, что с сыночком. Те — ко мне: «Как она узнала?» Я говорю: «Не знаю как, наверное, материнское сердце подсказали!»

В общем, чусовские врачи замечательные меня спасли. После этого меня отправили на 35-ю зону, потому что там была так называемая «больничка». Не больница, а «больничка» — очень характерное слово. Там был молодой врач — добродушный кавказец, который туда попал по распределению. Он меня спросил: «Ну как, будем рану стягивать?» А я понимал, что чем быстрее стянут, тем быстрее заживёт, и ответил: «Предоставим природе...»

Целый месяц я там валялся, написал две поэмы. А потом — видимо, они уже знали, что дело к концу идёт, — меня так и оставили на этой 35-й зоне. Она была гораздо мягче, чем 36-я.

Потом один из охранников сделал там музей про ментов. Я туда как-то ездил с Иваном Ковалёвым, сыном Сергея Адамовича Ковалёва, с которым мы вместе сидели как раз на этой 35-й зоне. Нас там очень хорошо приняли.

— Расскажите о вашем участии в Дягилевском фестивале. Вы ведь начали на него ездить ещё до того, как появился Теодор Курентзис?

— Да, ещё при Георгии Исаакяне — он замечательный режиссёр, и он, собственно, основал этот фестиваль. Даже не он — сначала были Дягилевские чтения, их основал Сергей Васильевич Гольинец, а из чтений уже вырос фестиваль. Я Исаакяна очень уважаю, люблю, но, конечно, Курентзис придал фестивалю международный размах. Невероятно интересные вещи он делает.

И, между прочим, некоторые тематические линии, начатые при Исаакяне, продолжаются сегодня. Исаакян поставил оперу Александра Чайковского по «Одному дню Ивана Денисовича», при нём поставили «Фиделио» Бетховена в «Перми-36» — это вообще была беспрецедентная вещь. А Курентзис, со своей стороны, в этом году представил оперу, а скорее ораторию Tristia, написанную Филиппом Эрсаном на стихи заключённых, в том числе политических. Так что какой-то параллелизм есть.

— Как получилось, что вы приняли участие в «Тристии»?

— Это Курентзис придумал. Он решил, что раз я сам был заключённым, то мне было бы уместно принять участие в спектакле.

— Но он ведь, наверное, не знал, что у вас есть актёрский талант!

— Забавно, но на старости лет всё возвращается на круги своя: если пользоваться выражением Станиславского, моя «жизнь в искусстве» начиналась в театральной студии.

— Вы написали для буклета Дягилевского фестиваля эссе о Шестой симфонии Малера и теперь ходите, как на работу, на все репетиции этой симфонии, которые проводит Курентзис с фестивальным оркестром. Зачем?

— Мне интересно, какие указания Теодор даёт музыкантам.

— И что вы потом будете с этим делать?

— Ничего. Некоторые вещи интересны сами по себе, а не для того, чтобы с ними что-то делать.

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

В зале Пермской оперы...

...и на сцене рядом с Теодором Курентзисом